

методов социологических исследований, для раскрытия социального и личностного потенциала религиозного паломничества.

Библиографический список:

1. Ваторопин А. С., Костина Н. Б., Подергина Е. Е. Трансформация феномена паломничества в современном обществе // Дискуссия. 2017. №7 (81). С. 59.
2. Волошин В. В. Эпистемологическое измерение паломничества // Вестник Псковского университета. 2016. №4. С. 5.
3. Гафиятуллина К. Р., Подергина Е. Е. Паломничество в контексте религиозного поведения студенческой молодежи (на материалах Екатеринбурга) // Вестник ВЭГУ. 2016. №6 (86). С. 138–145.
4. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2004. С. 78–79.
5. Кравченко С. А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы. Новые идеи в социологии: монография / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА 2013. С. 94.
6. Яворский Д. Р. Историческая память конструкция или реконструкция // Историческая Экспертиза. 2014. № 1. С. 4–5.

Редин Ф. Д.

НОВАЯ ДУХОВНОСТЬ И ЕЕ РИТУАЛЫ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РИТУАЛА НАММАРЕАЛ)

Аннотация. В работе дается религиоведческий анализ ритуала НамМаРеал. Опираясь на качественную методологическую стратегию исследования, автор приходит к выводу, что ритуал НамМаРеал можно описать как ритуал, транслирующий идеи духовности.

Ключевые слова: духовность, ритуал, НамМаРеал, постмодерн.

В отечественном религиоведении исследования духовности и связанных с ней практик начались в сравнении с зарубежной традицией недавно, особенно немногочисленны эмпирические исследования вопроса. Исследованию одного из таких ритуалов – ритуала НамМаРеал посвящена настоящая работа. На примере конкретного кейса предпринимается попытка описать существенные, специфические черты ритуалов духовности. Сбор и систематизация эмпирических данных о ритуалах духовности в их современном виде позволит углубить научное понимание самого феномена духовности, получить чёткое представление о его форме и содержании, понять специфику существующих в ней ритуалов – этим продиктована актуальность исследования. Мы изучали ритуал НамМаРеал (намерение материальной реальности), который проходит в г. Екатеринбурге в одном из центров развития человека «Душа Мира».

Духовность. Традиционно в европейской науке и культуре под «духовностью» понимались многообразные явления нематериального мира, человеческое прилежание в отношении религии, явления имеющие отношение к религиозному опыту и определённом образу жизни, связанному прежде всего с христианством. Однако, как указывает Б. Хусс «во второй половине двадцатого века, особенно в последние десятилетия XX века, термин «духовность» претерпел серьёзный дискурсивный сдвиг. Он стал широко использоваться, и его семантическое поле радикально изменилось; новые практики, институты и культурные продукты, в основном связанные с Нью-Эйдж, возникли и были сформированы под воздействием этой возникшей новой культурной категории» [1].

Сведения об общих характеристиках духовности описаны в ряде отечественных работ Е. А. Степановой, Е. Д. Руткевич, Г. Л. Ореханова, К. А. Колкуновой, О. В. Кузнецовой, Н. С. Смолиной [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. «Религиоведы отмечают, что все чаще эти вопросы решаются в рамках духовности, которая обладает следующими сущностными чертами: 1) индивидуализм, предлагающий стратегию личного поиска; 2) опора на собственный опыт как главный критерий истины; 3) вера в высшую силу; 4) прагматизм в духовных поисках, нацеленных на жизнь здесь-и-сейчас; 5) неприятие догматизма, критика религиозной бюрократии и религии; 6) возможность сочетать крайние позиции в одной и холизм; 7) эклектизм традиций; 8) организационная составляющая духовности в большинстве случаев предстает в виде сети кратковременных клубных сообществ» [5, с. 209-210].

Б. Хусс указывает на то, что сегодня термин «духовность» применяется зачастую к физическим и материальным объектам, явлениям и практикам, которые воспринимаются людьми как имеющие духовную ценность – сюда он относит йогу, боевые искусства, медитации, здоровье в целом, спорт, садоводство и т.п. [1]. По мнению Б. Хусса такая ситуация связана с идеями Нью-Эйдж, в которых коренятся и к которым во многом принадлежит современная духовность, характеризующаяся монизмом и холизмом – отказом от разделения мира на сакральную и профанную сферы, декларацией всеединства, взаимообусловленности и родства всех объектов и явлений. Также он видит тесную генетическую связь явлений современной духовности с

культурой постмодерна. Совокупность таких факторов как политические установки неолиберализма, повсеместное распространение и развитие капитализма, влекущего за собой консьюмеризм, общая фрагментация и виртуализация жизни людей приводят к появлению культурных концептов, подобных духовности – объединяющих в себе элементы светского и религиозного мировоззрений и нацеленных на удовлетворение повседневных нужд человека [2].

Ритуал НамМаРеал. Проведя исследование, мы можем указать на связь ритуала НамМаРеал и идей духовности. Эта связь проявляется как в самом ритуале (через составляющие его структуру действия), так и в его вербальных описаниях участниками.

Включённое наблюдение показало, что НамМаРеал как ритуал характеризуется периодичностью проведения, полужёстким разделением на «руководителей» и «руководимых» (с учётом частичного выполнения обеими категориями одних и тех же действий, участием посетителей в исполнении ритуальной музыки), фиксированной и воспроизводимой из раза в раз структурой. Ритуал не требует особого помещения и формы одежды присутствующих, что соответствует неформальному и дружественному к неопитам характеру всего мероприятия. В отношении посетителей не действует ограничений в смысле возможности участия в ритуале – отсутствует как-либо выраженное посвящение, не существует возрастного или иного ценза. Символические действия, составляющие его структуру можно условно поделить на «творческие/ свободные» и «предписанные», то есть, те, в выполнении которых участникам предоставляется свобода, и те, образ и суть которых предопределены драматургией и содержанием ритуала. Это последнее обстоятельство отличает НамМаРеал от ритуалов, бытующих в религиозных традициях, набор, порядок и наполнение действий в которых строго закреплены существующим в том или ином виде сводом правил. Символически ритуалом достигается сообщение намерений участников абстрактным Пространству/Вселенной/Космосу, вхождение их в единый резонанс и очистка от негативной энергии/вибраций – результаты, между которыми прослеживается коннотация. По своей сути они укладываются в такие категории как «комфорт» и «гармонизация» – ментальный и физический комфорт во время ритуала, состояние творческой вовлечённости индивида в процесс с равноправными участниками, гармонизация с окружающими людьми и мирозданием как таковым.

НамМаРеал как ритуальная практика обладает рядом характерных особенностей. Первая из них – высокая степень ориентированности на комфорт и лёгкость вхождения участника, от которого не требуется никакой специальной подготовки, посвящения, денежного взноса или иной формы «испытания» перед допуском к практике. Ритуал, таким образом, не является эзотерическим, не позиционируется как «таинство», направлен ко всякому, кто желает в нём участвовать.

Вторая его особенность, частично следующая из первой – нацеленность на достижение физического и ментального комфорта его участниками. Для этого организаторами НамМаРеал используется широкий спектр средств в диапазоне от возможности для участника заварить себе чай перед мероприятием до предоставления ему возможности локально влиять на ход ритуала через свои творческие акты.

Обилие элементов искусства и творчества в структуре НамМаРеал является третьей особенностью изучаемого ритуала. К таким элементам относятся как средства внешнего воздействия на чувства человека – такие как музыка, картины и изящные предметы интерьера, так и элементы ритуала, связанные с изобретением и изображением участниками символов, соответствующих элементам их личного опыта, созданием «предмета силы», который с технической точки зрения является нателным украшением.

Акцент на личности участника, его индивидуальном опыте и интенциях – следующая специфическая черта практики НамМаРеал. Отражённый в названии ритуала концепт «намерения», относящийся к сфере индивидуального, является первым и наиболее наглядным свидетельством этого. Индивиду, его осознанным действиям и личной убеждённости в работоспособности практики придаётся определяющее значение в рамках ритуала. Символические действия, совершаемые в ходе ритуала так же во многом обращены к индивидуальному в человеке, и, хотя их совершение происходит коллективно, не являются с точки зрения внутреннего механизма действия главным элементом происходящего. Самое важное – убеждённость человека в том, что его мышление обладает связью и непосредственным влиянием на окружающую действительность. В совокупности с творческими элементами в практической части ритуала это позволяет сделать вывод о том, что центральной фигурой, вокруг которой выстраиваются смысловые и ценностные коннотации НамМаРеал, является творящий, сознательно преобразующий мир индивид, стремящийся к обнаружению своего уникального пути и солидаризирующийся в этом с другими индивидами, окружающими его.

Иным, нежели в традиционных религиях, предстает характер ритуала. Религиозный ритуал фундирован религиозным вероучением, обладающим устойчивостью. В случае исследованного ритуала не обнаружена опоры на какую-либо известную на сегодняшний день религиозную традицию. Присутствует отказ от метанарративов, участники ритуала демонстрируют тенденцию к недоверию им – это черта постмодернистской культуры. Эффективность ритуала не обеспечивается каким-либо унитарным учением, т.к. его эффективность рассматривается в аспекте личной истины, вчувствования каждого участника. Сам ритуал пластичен и дискретен в трактовках информантов, каждый видит в нём свои смыслы.

Перформативную составляющую НамМаРеал обнаруживает, в своей структуре, соотнесённой с рассмотренными выше акцентами на индивидуальном плане участника. Ритуал обладает выраженной трёхчастной драматургией «зачин-кульминация-развязка», которую так же можно выразить в терминах предлиминального, лиминального и постлиминального этапов. Последовательно выполняя символические действия, участники проходят «очищение» - изменяя (в том числе через творчество) свой статус в сравнении с «дори-туальным», затем происходит «наполнение», выраженное в действии «запуск Намерения», а завершает процесс «закрепление» результата через индивидуальный творческий акт. Люди, участвующие в ритуале, таким образом, оказываются исполнителями ролей самих себя, последовательно изменяют свой статус, совокупностью своих взаимодействий определяют ткань ритуальной практики [3]. Наличие зачина, кульминации и развязки, свобода действий, периодически предоставляемая участникам ритуала, в совокупности с театрализованной и эмоционально насыщенной за счёт аудиовизуальных компонентов атмосферой, позволяет с большой степенью уверенности утверждать, что НамМаРеал имеет перформативный характер и может рассматриваться с таких позиций. Оснований в пользу такого вывода добавляет и тот факт, что бытующий в урбанизированной и информационно насыщенной среде, ритуал духовности с его акцентом на частном и индивидуальном коррелирует с парадигмой сюжетного, игрового восприятия современным человеком своей жизни.

Данные анализа интервью показывают, что представления участников ритуала о концепте «духовность» до известной степени коррелируют со смыслами, которые транслируются через ритуал. В основном эта корреляция прослеживается по парам категорий «духовность – индивидуальность», «духовность – поиск/познание», «духовность – рефлексия».

Что касается ритуалов современной духовности как таковых, то здесь наше пространство для уверенных утверждений ограничено. Вместе с тем, есть достаточные основания полагать, что процесс поиска людьми духовности, в том числе, через ритуал, является континуальным, не имеющим конца. На первое место выходит процесс, а не достигаемый за счёт него результат. Проведённое нами исследование подтверждает справедливость позиций описанных в литературе характеристик современной духовности - это как монизм, направленность на личность человека, ускоренность в повседневном опыте и представлениях, поиск.

Итак, в настоящий момент в наших руках недостаточно информации, чтобы говорить об акценте на творческом процессе и его включении в символическую структуру, как о характерной особенности ритуалов духовности в целом. Тем не менее, идея человека как активно преобразующей (здесь вполне уместно будет сказать «творящей») и познающей силы неоднократно встречалась нам в процессе анализа эмпирических данных применительно к духовности как таковой. Допустимо, таким образом, предположить, что этот смысловой элемент может существовать в рамках ритуалов современной духовности вне зависимости от формы, в которую они облакаются. Индивидуальный поиск путей духовного развития и участие в таких ритуалах, вероятно, является одним из способов современного человека справиться с такими явлениями как чувство отчуждённости, фрагментированность повседневного опыта, кризис традиционных ценностей. Это попытка создать локальные и во многом индивидуальные традиции в условиях и на основе глобализованного мира постмодерна.

Библиографический список:

1. Huss B. «Spirituality: The Emergence of a New Cultural Category and its Challenge to the Religious and the Secular» // Journal of Contemporary Religion, 2014 Vol. 29, No. 1, 47–60.
2. Huss B. The Sacred is the Profane, Spirituality is not Religion // Method and theory in the study of religion. 2014. P. 1-7.
3. Демехина Д. О. К вопросу о концептуализации перформанса: версия Р. Шехнера // Научный электронный журнал АртиКульт. 2017. №28 (4-2017). С. 144–152.
4. Кузнецова О.В. Визуальные образы новой духовности (опыт исследования визуального контента спиритуальных центров Екатеринбурга) [текст] / О. В. Кузнецова // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2018. Т. 13. № 4 (182). С. 33-39.
5. Кузнецова О.В., Смолина Н.С. Стратегии «духовного» поиска женщин (по материалам эмпирического исследования стратегий женщин, посещавших тренинги спиритуальных центров) [текст]/ О. В. Кузнецова, Н.С. Смолина // Дискурс-Пи. 2018 №3-4. С. 208-216.
6. Ореханов Г. Л., Колкунова К. А. «Духовность»: дискурс и реальность [текст] / Г. Л. Ореханов, К. А. Колкунова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 152 с.
7. Руткевич Е. Д. «Социология духовности»: проблемы становления [текст] / Е. Д. Руткевич // Вестник института социологии. 2014. №2(9). С. 37-65.
8. Руткевич Е. Д. От «религиозности» к «духовности»: европейский контекст [текст] / Е. Д. Руткевич // Вестник европейского университета дружбы народов. 2014. №1. С. 5-24.
9. Степанова Е. А. Новая духовность и старые религии [текст] / Е. А. Степанова // Религиоведение. 2011. №1. С. 127-134.

10. Степанова Е. А. Постсекулярная религиозность: индивид versus институт [текст] / Е. А. Степанова // Религиоведение. 2015. №3. С. 56-66.

11. Эгильский Е. Э., Матецкая А. В., Самыгин С. И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения: учебное пособие [текст] / Е. Э. Эгильский, А. В. Матецкая, С. И. Самыгин. М.: КНОРУС. 2011. 224 с.

Ржанникова Л. А.

СТРУКТУРАЛИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА ИНДЕЙЦЕВ ОСТРОВА ПАСХИ

Аннотация. В статье рассматриваются основы структурно-антропологического подхода в анализе мифологических источников, подчеркивается актуальность структуралистской методологии. Авторский анализ мифа, основанный на данном подходе, показывает преимущество последнего среди прочих способов выявить общую семантику мифологического текста.

Ключевые слова: анализ мифа, Леви-Стросс, семантика, методология, структурализм.

Анализируя миф, мы опирались на методологию, разработанную К. Леви-Строссом, французским антропологом-структуралистом. Приведенный ниже анализ – семантический, так как в нем раскрыты смысловые отношения между элементами текста – мифемами, наименьшими нарративными единицами мифа. В рамках данного подхода были выделены парадигматические связи между различными группами мифем и даны им соответствующие интерпретации.

Согласно Леви-Строссу, в основе любого мифа лежит логика бинарных оппозиций. Из осознания этих оппозиций складывается миф: в качестве примера Леви-Стросс приводит «кулинарные мифы», сложившиеся из оппозиции сырое/вареное [1, с. 111].

Мифы одной культуры образуют систему, вне которой они не могут быть рассмотрены, таким образом, интерпретация становится поиском взаимосвязей между мифами одной группы и элементами внутри структуры отдельного мифа [2, с. 232].

Синтагматическое изложение – хронологическое изложение, опирающееся на линейную последовательность событий, по Леви-Строссу, лишено смысла в анализе мифа, тогда как парадигматическое изложение вычленяет и сопоставляет схожие элементы текста, то есть позволяет выявить общую семантику мифологического текста [1, с. 112].

Смысл мифа можно найти лишь в комбинации или композиции элементов, потому что темы и герои, взятые в отдельности, не имеют значения. Повествование должно рассматриваться как совокупность создающих его единиц, устойчивость которых детерминирована системой [2, с. 234]. Мифема – структурная единица мифа, основной его элемент, под мифемой можно понимать отдельную фразу, слово или предложение, содержащее в себе основную суть мифологического эпизода. Мифему нельзя рассматривать как изолированный объект, поскольку она включена в комбинацию отношений между элементами и не является отдельным отношением [1, с. 112–113].

Предмет изучения Леви-Стросса – сложная система парадигматических и синтагматических отношений между элементами. Чтобы выявить эти отношения, Леви-Стросс выписывает отдельные мифемы на карточки и располагает их таким образом, чтобы между ними была и хронологическая, и парадигматическая связь. Для этого он выделяет схожие мифемы и располагает их друг под другом. В итоге получается таблица, образованная из нескольких вертикальных столбцов [1, с. 112].

За основу анализа был взят миф индейцев Острова Пасхи «Уре» [4, с. 480–482]. Перейдем к рассмотрению таблицы 1.

Таблица 1. Миф «Уре».

1. Уре ушел от своего отца, пришел на берег и забрался на дерево Миро.				
				2. Отец Уре стал искать его. Когда он его нашел, то принес ему еды и вернулся.
	3. Женщины аку-аку пришли ночью, чтобы похитить Уре.			